

Юлия Остапенко

Собака моего врага

Часть сборника
Жажда снящих (сборник)

Юлия Владимировна Остапенко

Собака моего врага

Текст предоставлен издательством «АСТ»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=140436

Аннотация

«Десять шагов, отделявшие ворота от дверей дома, дались ему так трудно, как никогда не давались мили. Последние ярды Трой прохромал, волоча немеющую ногу за собой и с трудом удерживая вой, рвущийся сквозь стиснутые зубы. Кровь из разрубленного бедра била по пальцам, судорожно сжимавшим рану. Кровь эта была горячая, живая, и орошала кожу так же приятно, как кровь Вонгерда минуту назад. Трою нестерпимо хотелось обернуться и посмотреть на тело, распростёртое посреди двора, но он знал, что любое промедление сейчас может стоить ему жизни. К тому же, пройдя первые пять шагов, он не мог уже думать ни о чём, кроме этой проклятой двери...»

Собака моего врага

Некоторые рассказы придумываются слёту и так же быстро пишутся. А некоторые вызревают ни много ни мало – годами. Нет, я не преувеличиваю. Это происходит очень медленно и очень долго. Сперва появляется название – просто несколько странных слов. Потом они обрастают образами, зыбкими и неясными. Потом образы складываются в картинку, картинки выстраиваются в историю, а история снова возвращается к словам. И вот тогда понимаешь, что она, история, уже готова, её надо только записать.

Но это только так кажется.

Когда три года назад в моей голове сами собой возникла фраза «Собака моего врага», я думала о фантастике, о пустынном пляже, об усталом старом человеке, идущем по серому песку, и о собаке, чёрном добермане, который бежит по клокочущей белой пене... А потом однажды у меня выдался непростой вечер. Я была огорчена, я была зла, но я знала, что поступила правильно в тот день. И тогда я села и написала рассказ. От первоначальных картинок не осталось ничего. Совсем ничего. Но в нём есть я. Не в героях, не в мире, не в сюжете, даже не в чувствах – но в нём. Просто там, внутри. И, думаю, ради этого стоило ждать так долго.

Это самый злой, самый спорный и самый любимый мой рассказ.

Десять шагов, отделявшие ворота от дверей дома, дались ему так трудно, как никогда не давались мили. Последние ярды Трой прохромал, волоча немеющую ногу за собой и с трудом удерживая вой, рвущийся сквозь стиснутые зубы. Кровь из разрубленного бедра била по пальцам, судорожно сжимавшим рану. Кровь эта была горячая, живая, и орошала кожу так же приятно, как кровь Вонгерда минуту назад. Трою нестерпимо хотелось обернуться и посмотреть на тело, распростёртое посреди двора, но он знал, что любое промедление сейчас может стоить ему жизни. К тому же, пройдя первые пять шагов, он не мог уже думать ни о чём, кроме этой проклятой двери.

Когда она наконец подалась под его натиском, он впервые за последние месяцы ощутил глубокое ноющее облегчение. Громко вздохнув то ли от боли, то ли от радости, Трой повалился на скамью у входа. Грохнул мечом об пол, сорвал пояс, туго обхватил им бедро повыше разреза, затянул зубами – руки мелко тряслись. Тугая струя, бьющая из раны, тут же опала, превратилась в тягучий тёмный ручеёк. Было тихо, только надрывалась лаем цепная собака во дворе, да капли крови стучали о дощатый пол.

Трой поднял голову, огляделся в поисках чистой ткани, чтобы сделать перевязку, увидел женщину, неподвижно стоящую в углу, перевёл взгляд дальше и остановил его на скатерти, покрывавшей обеденный стол. На нём сладко дымилась каша – ещё четверть часа назад Вонгерд собирался по-

обедать. Трой поднялся, придерживаясь за стену, поковылял вперёд, сильно припадая на здоровую ногу. Раненой он уже не чувствовал вовсе, даже боль отпустила. Оказавшись у стола, Трой схватил скатерть одной рукой, дёрнул на себя. Миски, ложки, чашки со стуком полетели вниз. Трой сел на пол и принялся рвать скатерть на длинные узкие полосы.

Женщина в углу по-прежнему не двигалась. От неё исходил крепкий, кисловатый запах ужаса.

– Не трону, не бойся, – вполголоса сказал Трой, вспарывая ножом штанину. Ткань успела присохнуть, и он отодрал её от раны, скривившись от вспышки боли.

Женщина наконец шевельнулась, слабо, неуверенно. Трой привычно уловил движение боковым зрением, но даже не поднял глаза. Она была никто. Она была не опасна. Опасность он нутром чуял. Когда она что-то промычала, низко и сдавленно, он и не подумал, что она обращается к нему, и продолжал возиться со своей ногой. Женщина ещё помедлила, по-прежнему слабея от страха, а потом раздельно, хотя и с большим трудом проговорила:

– Промыть бы...

– Валяй, – равнодушно ответил Трой. Она рванулась с места, будто подстреленная газель, загремела чем-то, зашумела – Трой не обращал внимания, всё так же зная, что опасности нет. Женщина опустилась перед ним на колени, поставила таз с водой у его ног, прямо в лужицу крови.

– Не так. Надо... – она осеклась и молча вынула из рук

Троя бинты, умудрившись не задеть его даже кончиком пальца. Трой привалился к ножке стола и закрыл глаза. Так и сидел, пока женщина лила воду на рану и вычищала прилипшие ошмётки ткани, даже не морщился уже. На смену облегчению пришла усталость, и ему страшно хотелось спать.

Он почувствовал, когда она закончила, и открыл глаза. Его бедро было плотно и аккуратно перемотано, белизна лоскутов резала глаз. А женщина всё так же стояла на коленях, уронив руки вдоль тела, и смотрела на Троя огромными глазами, тёмными, как колодцы, до краёв заполненные животным ужасом.

– Ты кто ему? – неохотно спросил Трой. – Рабыня? Дочь?

– Жена, – ответила она так тихо, что Трой скорее угадал ответ по движению губ, чем услышал его.

– А-а, – вяло протянул он. – Только не жена теперь. Вдова.

Он задрал руку над головой, нащупал край стола, тяжело опёрся, начал подниматься. Женщина резво подскочила к нему, подхватила, обвила грудь руками. Трой не стал её отталкивать.

– Кровать тут где? – спросил он, шаря мутнеющим взглядом по дому – в глазах темнело, и он плохо различал окружающие предметы.

Она без единого слова поволокла его куда-то в сторону. Трой расслабился, лишь давая себе труд перебирать здоровой ногой, и с наслаждением рухнул на мягкое. Женщина подхватила его ноги, бережно положила на кровать, накры-

ла. Её прикосновения были умелыми и заботливыми, но это была какая-то холодная, сухая забота, будто от долга шла, а не от сердца – он потому и подумал сперва, что она рабыня.

– Это его постель? – спросил Трой, не открывая глаз.

– Его, – прошептала она.

– Хорошо, – сказал Трой и удовлетворённо вздохнул. «Так-то, Вонгерд, – подумал он. – Ты бы не был против, правда? Как я бы не был против, чтобы ты спал в моей постели, если б убил меня прежде. Это право победителя, моё право. И я пользуюсь им не для того, чтобы унижить тебя – просто так вышло...» Последняя мысль отозвалась смутной тревогой, будто осталось что-то очень важное, о чём он забыл.

– Тело, – сказал Трой. Услышал отдалённое, почти неразличимое «Что?..» и повторил: – Тело.

Но больше ничего сказать не смог, потому что провалился в забытие, и последнее, что он запомнил, был приглушённый лай собаки во дворе.

Это, конечно, было опрометчиво – заснуть под надзором жены только что убитого врага, врага, которого выслеживал, гнал, травил много лет подряд. Засыпая, Трой отдавал себя в её власть, точнее – отдал бы, если бы это существо знало, что такое власть и как ею пользоваться. А оно не знало. Он понял это, увидев её в первый раз там, в углу, замершую статуей, и тогда уже перестал считать человеком. Вонгерд, возможно, смог бы зарезать раненого и спящего. Собака, надрывавшая

глотку во дворе, могла бы вцепиться в горло. А эта – только дрожала да глазами хлопала.

Трой доверился инстинкту и не ошибся. Когда он проснулся, псина всё так же орала во дворе – хрипло и с промежутками, но по-прежнему упрямо. Трой представил, как она рвётся к телу хозяина, срывая сталью ошейника кожу с шеи, и вскинулся, приподнялся на локтях, встревоженно завертел головой.

Женщина, сидевшая на скамье у него в изголовье, тут же вскочила и склонилась над ним. Трой только теперь заметил, что у неё чёрные волосы.

– Пить хочешь? – спросила она и тут же протянула ему полную чашку. Трой молча принял, осушил залпом, вернул.

– Ещё?

Он кивнул, глядя за окно. Там было сумрачно – не понять, то ли вечереет, то ли он проспал до утра, и только начинает светать, то ли день стоит на дворе, просто пасмурный. Но теперь эта мысль его не беспокоила. Он больше никуда не торопился.

Трой осушил вторую чашку, отдал, не поблагодарив. Сел, упёрся руками в края кровати, подтянулся. Онемение в ноге прошло, но какая-то она непослушная была, неродная будто – так, словно ногу Вонгерда ему пересадили, в качестве военного трофея. «В преисподнюю такие трофеи», – мрачно подумал Трой и снова пошевелил ногой. Шевелилась, зараза, но будто бы не так, как он хотел, неправильно как-то. Трой

поднатужился и спустил ноги на пол. И лишь только ступня коснулась пола, всю ногу до бедра пронзила такая боль, будто её отрубили начисто.

– Что ты, нельзя тебе вставать! – вскрикнула женщина, до того лишь ошеломлённо смотревшая на его жалкое дёрганье. – Кровь пойдёт, повязки часто менять надо, и промывать...

– Ты пса кормила? – скрипнув зубами, перебил Трой.

Женщина умолкла на полуслове, моргнула.

– Ч-что? Пса? А... ты про Мату?

– Я про тварь, которая там сутки уже почитай надрывается. Кормила?

– Я... – она снова заморгала, часто-часто, будто стряхивая непрошенные слёзы. – Я забыла... не до того...

– Покорми, – сказал Трой и снова лёг. От незначительного, казалось бы, усилия у него кружилась голова. Хриплый собачий лай гудел в ушах, и Трой увидел перед мысленным взглядом багровое от натуги лицо Вонгерда, сжимавшего его горло волосатыми руками. Трой задыхался, лупил рукой по земле в попытке найти выроненный меч, таращился в низкое небо, и надрывный лай псины, изводившейся на цепи в пяти шагах от них, разрывал его голову на куски. Потом он нащупал камень, огрел им Вонгерда по башке, выкарабкался, потом ещё много чего было... И, вонзая лезвие меча в податливую вражескую плоть, Трой всё так же слышал этот лай.

Псину он хорошо запомнил. Здоровая, как волк, черню-

щая, морда заросла – не разглядеть, только жёлтые глазищи сверкают да алая пасть разевается в лае. Брюхо у псины было огромное, отвислое почти до земли. Это была сука, на последних днях беременности. Не держи её Вонгерд на цепи, она бы Троя на куски порвала, он бы и в ворота ступить не успел. Но Вонгерд оказался честным человеком. Тварь, паскуда, ублюдок, но – честный. Он был хорошим врагом.

– Тело, – сказал Трой и, вздрогнув, открыл глаза. – Тело! Эй! Ты! Девка! – заорал он во всю глотку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.